

СООТНОСИМЫЕ И НЕСООТНОСИМЫЕ РЕАЛИИ КАК ОБЪЕКТ ДВУЯЗЫЧНОГО СЛОВАРЯ

В статье представлено деление культурно-коннотированной лексики на соотносимые и несоотносимые реалии, которые заменили традиционные термины эквивалентные/безэквивалентные, так как, с точки зрения автора, менее «привязаны» к слову, к сигнификату. В работе представлены не исследованные в специальной литературе типы несоотносимых реалий – номенклатурные названия, реалии с названиями метонимической природы, культурно-коннотированные сочетания.

Лексика с культурным компонентом значения (культурно-коннотированная, национально-самобытная, лингвоспецифичная, этнокультуроведческая, лингвострановедчески ценная лексика) – самый очевидный знак «языка» культуры (В.Н. Телия). Обращение к подобной группе слов особенно активно началось с развитием лингвострановедческого направления в теории и практике преподавания русского языка как неродного и иностранного. В 80-е годы XX века, во времена «расцвета» лингвострановедческой тематики в исследованиях советских лингвистов, методистов и преподавателей, задачей было изучение культурно-коннотированной лексики с целью знакомства с культурой народа посредством языка (слова, фразеологизма), а лексику при этом называли лингвистическим инструментарием для объективации русской культуры.

В последнее время изучение культуры народа через призму языка предстает в ином ракурсе: теперь все более актуальной становится *проблема понимания и взаимопонимания*, которые невозможны без представления о языке как части культуры данного народа. Теперь важным является не столько познать культуру посредством языка, сколько использовать знания о культуре другого народа для адекватного восприятия речи. Чтобы правильно *употреблять язык*, то есть быть уверенным в том, что тебя правильно понимают, *надо представлять, что подразумевается под словом у носителя языка*.

Иноязычные пользователи языка не чувствуют этого «лексического фона» слова (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), поэтому практические цели изучения и преподавания языка (теория и практика перевода, преподавание языка как неродного, двуязычная лексикография) требуют разработки способов его выявления и представления.

Эти способы видятся учеными по-разному в зависимости от целей исследования:

1. В теории и практике преподавания языка как неродного давно утвердилась необходимость учета «фактора культуры» говорящего на иностранном языке. В современной методике проблема че-

ловеческого общения (диалог культур, межкультурное общение) – в центре внимания исследователей. Необходимость параллельного изучения языка и культуры породила введение сначала курсов лингвострановедения, а в последнее время и межкультурной коммуникации. При этом выделение страноведчески ценной информации осуществляется за счет интуиции исследователя/преподавателя. В лингвострановедении, например, возник способ изучения лексического фона слов методом компарации (сличения, сравнения) (К. Андрейчина), суть которого состоит в том, что по единой схеме проводится параллельное описание некоторого факта двух культур, выраженного в русском и эквивалентном ему иноязычном слове.

2. В работах по теории и практике перевода популярным методом исследования культурной лексики является типологический анализ лексики на базе компонентного анализа, то есть метод сопоставления семантических объемов эквивалентов, проводимый с целью установления сем, которые присутствуют в одном эквиваленте и отсутствуют в другом. Начало такому сравнению было положено в работах Н.И. Толстого, где автор предлагает способ выявления семантической разности слов конкретных диалектов (языков) с помощью «семантической сетки с достаточной дробностью клеток (микрополя). Путем вычитания объема одной семемы из другой могут быть установлены разности, равные отдельным семантическим дифференциальным признакам (СДП, или семам)» [Толстой 1997: 21]. Этот способ активно используется в практике перевода, а также в типологическом и контрастивном анализе.

3. В тесно связанной с потребностями перевода и преподавания лексикографической теории и практике воссоздание «лексического фона» слова актуально в разной степени.

Практика составления *лингвострановедческих словарей*, целью которых является помощь иноязычному читателю правильно понять национально-маркированные единицы чужого языка, приводит составителя к необходимости представления

наиболее полной культурной информации о реалии как о предмете материальной культуры.

Так как лингвострановедческий словарь адресован прежде всего иностранцам, то культурный компонент значения слова равен знаниям о предмете среднего носителя языка, «обиходным сведениям», которые в таком типе словаря дополняются энциклопедическими [Верещагин, Костомаров 1980: 251-252; Верещагин, Костомаров, Морковкин 1978: 13-14]. Объем же культурной информации, *необходимой* для представления в данном случае, зависит от конкретного слова и факторов субъективного порядка (интуиция составителя словаря в том числе).

Задача *двуязычной лексикографии* в плане представления культурно-коннотированной лексики несколько иная: выделить в комментарии к переводному эквиваленту тот *минимум* культурной информации, которой необходимо знать, чтобы правильно воспринимать и употреблять слова чужого языка.

Анализ двуязычных словарей показывает, что в их словарных статьях культурный компонент значения безэквивалентного или фонового слова чаще всего отсутствует. Ср.: *Belogvardseeu – vitgardist* (РШС-92); *hvitgardist* (РНС-2); *White Guardsman* (Collins); *White Guard* (РАГС); *Weißgardist, Konterrevolutionär* (РНМС). Однако отсутствие культурной информации в двуязычных словарях не позволяет читателю правильно понять текст. По этому поводу В.П. Берков, например, пишет, что «в словаре под ред. С.А. Кузнецова (далее – БТС) *валенки* определяются как «*мягкая зимняя обувь, с высоким голенищем, сваленная из шерсти*», т. е. отсутствует важный элемент информации: эта обувь в настоящее время в городах, кроме особых случаев, вышла из употребления. Предложение *Доцент Н. ходил в университет в ватнике и валенках* едва ли будет правильно понято иностранцем, пользующимся только толковыми словарями русского языка» [Берков 2000:68]. В этом случае принципиально важным оказывается определение содержания культурного комментария к переводному эквиваленту.

Предметом исследования в статье является культурно-коннотированная лексика в двуязычном словаре.

Культурный компонент рассматривается исследователями как *зависимость семантики* языка от культурной среды индивидуума [Комлев 1969: 116-117]. В отличие от *фоновых* (страноведческих) *знаний*, которые имеют *внеязыковой* характер, *культурный компонент* – это часть *содержания языкового*

знака, в которой отражается знание *культуры* [Слесарева 1990: 22].

Носителями фоновой информации, различающимися по *природе фонового потенциала*, могут быть: 1) *паралингвистические единицы и явления* (мимика, жесты, телодвижения, дистанция между партнерами по коммуникации); 2) *вербально-паралингвистические понятия* (традиции и нравы, обычаи, праздники, национальные игры, этикет, народные приметы, поверья, предания); 3) *единицы вербальной коммуникации* (слова-этнореалии, фразеологизмы, афоризмы, цитаты, прецедентные высказывания, имена собственные) [Ольшанский 2000: 33-34].

В словарях же в качестве национально-маркированных единиц выступают прежде всего *реалии* (в широком смысле слова, то есть *безэквивалентная, коннотативная лексика, имена собственные и фразеологизмы* с денотативной реальностью в составе).

Выделяемость группы реалий в широком смысле основана на сравнении культур [Zgusta 1971: 294]. В основе классификации подобной лексики лежит сопоставление эквивалентов. Эквивалентность, а значит в определенной степени и полноценность перевода, – предмет пристального внимания специалистов по теории перевода, а выделение безэквивалентной и частично безэквивалентной, или частичных эквивалентов лексики стало общим местом исследований по теории и практике перевода и лингвострановедению, в том числе сопоставительному.

Несмотря на то, что группа реалий понимается широко и достаточно неоднородна, исследователи отмечают признак, объединяющий слова в эту группу, – это «материальная» прикрепленность (ср. позиции Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, В.С. Виноградова, С. Влахова и С. Флорина, В.Д. Девкина, В.П. Конечкой, Г.Д. Томахина и др.). Надо отметить, что авторы лингвострановедческих словарей заявляют о необходимости расширить рамки словаря реалий [Верещагин, Костомаров 1980: 199; Великобритания 1978: 3]. Также пытаются выйти из узких рамок «материальных» реалий представители сопоставительного лингвострановедения (А.С. Мамонтов).

Группа лексики с культурным компонентом значения представляется крайне пестрой, а ее деление не всегда убедительным. Например, нет единого критерия для выделения фоновой и коннотативной лексики, неясно основание введения в группу безэквивалентной лексики слов фольклора или лексики фразеологических оборотов, не определе-

но место имен собственных в классификации. Ра- зумеется, явление национальной маркированности знаков обусловлено лакунарностью в широком смысле этого слова. Учет природы лакунарности (лакунарность на уровне способа номинации и на сигнификативном и денотативном уровне) несомненно полезен, но также не дает четких критериев классификации культурно-коннотированной лексики. Выработка таких критериев, по нашему мнению, вряд ли возможна. Обсуждаемый материал, скорей всего, относится к таким, которые чаще всего требуют *рассуждения о фактах*, чем их *каталогизации* [Кюльоли 2000: 109]. Для целей переводческого, лингвострановедческого и лексикографического анализа можно каталогизировать культурно-коннотированную, оперируя фактором эквивалентность/безэквивалентность, а о степени эквивалентности можно только рассуждать. Ср.: «В лингвострановедении лексика русского языка исследовалась наиболее полно. Была разработана лингвострановедческая теория слова. Однако в лингвострановедении *не была построена исчерпывающая и логически стройная классификация фоновой лексики* (выделено нами. – О.И.)» [Денисова 1987: 10-11].

Для лексикографических целей, а именно для описания культурно-коннотированной лексики в двуязычном словаре, удобнее исходить из следующего критерия отбора исследуемого материала: культурно-коннотированная лексика – это лексика, требующая культурного комментария *с точки зрения обозначаемого* (реалии).

Это положение требует некоторого уточнения. Общеизвестно, что выявление «эквивалентных элементов культуры» затруднено явлениями культурной дифференциации, культурной диффузии, культурной интеграции. Ср. утверждение В.А. Звегинцева о том, что «для народа, помещающего своих богов на Олимп или прячущего их в подземелье, даже такое обычное слово, как *небо*, означает не то же самое, что для народа, который на небо помещает богов доброго начала, а под землю – злых богов» [Звегинцев 1957: 117]. Случай типа *автобус, учительская, солдат*, которые, хотя и имеют определенные «материальные» различия (*как покупать билет в автобусе, оборудование учительской, условия службы солдат*), но они не играют решающей роли в коммуникации представителей разных культур и не вызывают принципиального непонимания, а значит, не требуют культурного комментария при переводном эквиваленте.

Реалии данной культуры могут быть *соотносимыми* (эквивалентными) и *несоотносимыми* (бе-

зэквивалентными) реалиям другой культуры. Деление на соотносимые и несоотносимые реалии достаточно условно, но не более условно, чем деление на безэквивалентную, эквивалентную и частично эквивалентную лексику (по Е. Найда, принцип эквивалентности не может быть абсолютным, перед нами встает не проблема «правильного и неправильного», а проблема того, «насколько это верно» или «насколько неверно» [Найда 1962: 50]) или отнесение двух слов к синонимам (о ненадежности критерия близости и относительности даже количественных параметров в выделении синонимов см. у Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995: 66-68]). Четкие критерии деления вряд ли возможны (наблюдения показывают, что соотносимые и несоотносимые реалии могут иметь сходные функции в культуре данного народа), однако опора на отсутствие/наличие денотата в другой культуре реальна. Выбор же терминов *соотносимость/несоотносимость* обусловлен тем, что в отличие от терминов *эквивалентность/безэквивалентность* они менее «привязаны» к слову, к сигнификату.

Особенностью группы *несоотносимых* реалий является то, что они уникальны для данной культуры, поэтому им нет аналога в другой культуре (русс. *заграничный паспорт, славянофил, икона, валенки, сырок*). Уникальность реалии также относительна: она всегда определяется для какой-то пары культур. Практически нет реалий, которые были бы характерны только для одной культуры. Так, казалось бы, типично русская реалия *заграничный паспорт* имеет функциональный аналог во французской культуре – *pasport* [Франция 1997: 731].

К особой группе *несоотносимых* реалий относятся такие, как системы магазинов, фирмы, предметы обихода, товары народного потребления, лекарственные препараты, продукты питания, предметы бытовой химии и парфюмерии, которые в данном языке получили *номенклатурные названия*. Например, в русской культуре – *валерьянка, индийский чай, ливерная, докторская колбаса*, приемник «*Стидола*», пианино «*Красный Октябрь*», папиросы «*Казбек*» и «*Беломорканал*», магазины «*Детский мир*», в шведской – система мебельных магазинов *IKEA*, универмагов *ICA, DOMUS, OBS*, вино-водочных магазинов *Systembolaget*, колбаса *falukorv*, кукурузные хлопья *Kalas Puffar*.

Известно, что понятие номенклатурного названия относится к терминам и стоит в одном ряду со следующими их разрядами: философские, научные, технические, измерительные, искусств, командные, прогностика. Между тем номенклатурные

названия (термины) отличаются от, например, технических тем, что даются одному объекту материальной культуры много раз: например, название объекта в разработке (условное имя), официальное название изделия, торговое название, название, принятое в потреблении изделия [Рождественский 2000: 53].

Необходимо отметить, что номенклатурные названия могут обозначать уникальный или неуникальный для данной культуры объект. Так, стиральный порошок «Персил» – изначально уникальная реалия Германии был широко распространен в послевоенные годы в Западной Германии [Мальцева 2000: 76], после перестройки стал популярен и в России. Таким образом, для немецкого языка это номенклатурное название с культурным потенциалом, а для русского – нет. Порошок «Лотос» – это реалия русской жизни: *Забыли, как за гречкой и порошком «Лотос» в очереди давились?* (Б. Акунин. Дары Лимузины. Рождественская сказка). Одним из первых портативных транзисторных радиоприемников в СССР в 60-е годы были приемники марки «Спидола» (см.: БТС, СНС). Эти приемники для многих советских людей в те годы были «окном в Европу»: *Мы с бабушкой садились у приемника. У «Спидолы» нажималась кнопка, и возникал зеленый мир диапазонов, там среди черточек и цифр, как среди водорослей, плавали названия городов: Варшава, Будапешт, Берлин, Париж.* (Д. Шеваров. Второй день рождества).

В число номенклатурных названий включаются официальные названия товара (хлеб «Бородинский», «Дарницкий», «Кумужинский», «Украинский», водка «Пятизвездная», «Столичная»). Но часто официальное название заменяется неофициальным, которое в силу своей популярности распространено больше официального. Так, вместо названия хлеба мы говорим «черный», «круглый», «батон»: – *Купи круглого хлеба, – сказала жена. – И цупай, что берешь* (Г. Щербакова. Бомба); – *Я когда была в Анлантик-Сити, – вступает Маша, – то обратила внимание, что в Америке безумно дешевые продукты питания, особенно мясо и молоко. Но черного хлеба там правда нет* (В. Пьецух. Летом в деревне); *Он видел сон. Купил он будто хлеба – как обычно, батон, круглый, бубликов десяток* (Т. Толстая. Сомнамбула в тумане). Иногда употребление неофициального «имени» оправдано сменой номенклатурного названия: *Это значит, что к лету 1951 года все названия станций были уже изменены – Келломьяки сделали Комаровом, Териоки – Зеленогорском. И кафе «Норд» стало «Севером», а «французская булка» – «го-*

родской»... (Н. Катерли. «Сквозь сумрак бытия»). Популярность неофициального названия отчасти связана со стереотипами восприятия: например, круглый хлеб в разных областях России имеет разное официальное название – в Мурманске это сорт «Поморский». Поэтому легче назвать хлеб по форме, узнаваемость этого «имени» основана на зрительных ассоциациях. Так, сорт индийского чая в желтой пачке с изображением слона в советские времена был очень популярен в России и получил в народе название «чай со слонем»: *Он совсем проснулся. Свистел на кухне чайник, жена бряцала чашками. Он выпил две чашки крепкого чая «со слонем» и сказал, что пойдет прогуляться* (Г. Щербакова. Бомба).

Популяризации этого неофициального «имени» в последнее время способствовало и возникновение торговой марки «Чай со слонем». Думается, что подобный факт – наличие такого популярного номенклатурного названия в культуре нашего народа – должен быть отражен в словарной статье толкового и переводного словаря, хотя бы в его иллюстративной части. Несмотря на это, толковые словари не дают примеров с этим названием. Ср.: *индийский, липовый, морковный, цветочный, травяной, кирпичный, китайский, зеленый, фруктовый чай, чай с сахаром* (БТС, ЯИ, МАС). НЕО в иллюстративной части словарной статьи к слову *те* «чай» приводит примеры других сортов чая, которые популярны в Швеции: *ceylonte* «цейлонский чай», *örtte* «травяной чай», *katomillte* «ромашковый чай», *fläderte* «чай из черной бузины».

Особый интерес для отражения в двуязычном словаре представляют несоотносимые реалии с названиями метонимической природы типа *десять лет без права переписки, московские кухни*, национальная специфичность которых не вызывает сомнения, они представляют факты и явления истории и культуры данного народа:

Все эти перебросы от эпизода к эпизоду, по разительности встреч – драматичны, контрастны и создают объем восприятия; а уж какой яркий луч на копошенья «московских кухонь» (еще не было «тусовок») тех лет (А. Солженицын. Феликс Светов – «Отверзи ми двери»); *Отец получил за «террор» «десять лет без права переписки»...; 31 мая 1946 года исполнилось десять лет со дня ареста отца, то есть кончились десять лет без права переписки* (Ф. Светов. Мое открытие музея).

От лексики типа *голубые береты, белопогонники* эти названия отличаются тем, что являются единственными именами несоотносимых реалий. Ср. *голубые береты* – десантники; *белопогонник* –

о том, кто служил в белой армии (БТС), белогвардеец.

Кроме этого, особый интерес пользователя двуязычного словаря вызывают культурно-коннотированные сочетания (термин предложен В.П. Берковым) типа *присесть на дорожку, выпить на посошок/на дорожку, красить яйца*, национальная специфичность денотата которых не вызывает сомнения, так как сочетания «называют» народные приметы, связанные с вербальным поведением:

Ну – посошок на дорожку, и разбежимся в разные стороны. Выпьем, чтобы у вас было все и чтоб за это вам ничего не было (Л. Зорин. Господин Друг); *И вот они прощаются, уже у дверей, кто-то что-то забыл, возвращается, кто-то должен припудрить носик, кто-то пьет на дорожку, на посошок... Наконец вываливаются из квартиры* (Ф. Светов. Мое открытие музея).

Соотносимые реалии (русск. *братские могилы, тридцать седьмой год*) отличаются от несоотносимых по их основному признаку – неуникальности, представленности во всех или многих культурах. Их страноведческая ценность, а значит важность представления в двуязычной лексикографии, состоит в том, что от реалий другой культуры они отличаются рядом признаков, которые и делают их «культуроносными». Выявление «дифференцирующих культурных» признаков является предметом внимания многих ученых. Ср. классификацию В.П. Конечной, Л.Г. Ведениной. В работе Л.Т. Микулиной выделяется тождество и расхождение реалий в двух культурах (английской и русской) с точки зрения материальной, социальной и эмоциональной. Например, не совпадают по своей социальной значимости при значительном сходстве реалий русск. *санаторий* и англ. *sanatorium*; могут обладать разной социальной значимостью и частично различающиеся реалии, такие как русск. *церковь* и англ. *church*. Эмоциональная значимость различает следующие тождественные реалии – русск. *юродивый* и англ. *village idiot*, русск. *береза* и англ. *birch*, русск. *фикус* и англ. *rubber plant*. При этом эмоциональная значимость, по словам автора, может быть основой определенного национального символического ореола [Микулина 1977].

Думается все же, что символическая значимость – это свойство культурно-коннотированной лексики вообще. Так, как показывают наблюдения, и соотносимые, и несоотносимые реалии могут иметь символическое значение. Несотносимые реалии в силу своей уникальности часто становятся символом страны, национальной истории и культуры. Традиционным символом нашей страны сре-

ди иностранцев стали *матрешки* и *шапки-ушанки*: *Выкатились на пол матрешки (кто же без них из России?)*, *ходики и памятная медаль* (Ю. Солнцев. Куда падают листья); *Капитан просит снять шапку. Я – единственный в этом зале в шапке-ушанке. Единственный в целом городе.*

Лето, жара.

– *Без ушанки тебя не пустят в Россию*, – сказала Мара и нахлобучила на меня эту старую меховушку. Мара хохотала, подперев кулаками бока. Прямо русская баба с картины художника... (Ю. Солнцев. Куда падают листья).

Соотносимые реалии также имеют специфическую символическую нагрузку. Например, *тридцать седьмой год* в истории каждого государства отмечен, кроме мировых, национальными событиями, например: в истории Испании это бомбардировка германской авиацией г. Герники и создание картины Пабло Пикассо «Герника», Великобритании – приход Невилла Чемберлена, сторонника политики умиротворения фашистских держав, на пост премьер-министра, США – открытие висячего моста через пролив Золотые ворота в г. Сан-Франциско. В истории нашего государства это был особый год, своего рода символ, «фантом»: год ужесточения сталинских репрессий и столетия со дня смерти А.С. Пушкина. Примеров такому восприятию 1937-ого года у целого поколения носителей языка большое количество: *«Годы массовых репрессий, расстрелов – для одних очевидцев. Пушкинское время, когда печальный юбилей – столетие со дня гибели русского гения – отмечали как важнейшее событие в жизни каждого гражданина...»* <...> *Перед моим мысленным взором нарисовалась картинка под названием «Памятник 37-му году», соединились, так сказать, видеоряды одних и других «очевидцев». Стало быть, бескрайнее снежное поле, концлагеря, проволока-колючка, расстрельные подвалы – и над все этим имперским державным великолепием – великолепие культурное: шеститомник или там шестнадцатитомник Александра Пушкина!* (Н. Елисеев. Красота дьявола. По поводу литературных очерков Владимира Бондаренко).

Братская могила для носителей русского языка – это не просто *massgrav* (РШС-92); *massegrav*, *fellesgrav* (РНС-2); *communal grave* (Collins) (разница в номинации не меняет в данном случае суть дела), у нас это – знак памяти, уважения, скорби: *А потом их, морячков, хоронили, ты, окопный землерой, можешь себе представить, что и как там хоронили, их кости и тлелое мясо просто с ключьями тельняшек сгребли в земляные ямы, называе-*

мые красиво, одухотворенно – *братскими возможностями* (В. Астафьев. Затеси).

Кроме символической значимости, важными «культуроносными» признаками для *несоотносимых* и *соотносимых* реалий, с нашей точки зрения, являются: а) атрибуты (внешний вид, ингредиенты, традиции); б) оценка; в) историческая маркированность (время применения, действия); г) социальный статус (функциональная принадлеж-

ность); д) функция (назначение, роль); е) популярность/непопулярность реалии.

Таким образом, группа культурно-коннотированной лексики, необходимой для представления в двуязычном словаре, имеет свою специфику, которая обусловлена назначением переводного словаря – быть культурологической (страноведческой) энциклопедией в самом широком смысле этого слова.

Список использованной литературы:

1. Апресян Ю.Д. 1995 – Избранные труды, том I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М., 1995.
2. Берков В.П. 2000 – О словарях XXI века (из лексикографической футурологии) // Мир русского слова. 2000. №3.
3. БТС 2000 – Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
4. Великобритания 1978 – Лингвострановедческий словарь/А.Р.У. Рум, Л.В. Колесников, Г.А. Пасечник и др. М., 1978.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. 1980 – Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
6. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., Морковкин В.В. 1978 – Теоретические основы лингвострановедческого словаря // Денисова М.А. Лингвострановедческий словарь. Народное образование в СССР. Под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. М., 1978.
7. Денисова М.А. 1987 – Россияведческий аспект учебной лексикографии: Автореф.дисс. ... канд. филол. наук. М., 1987.
8. Звегинцев В.А. 1957 – Семасиология. М., 1957.
9. Комлев Н.Г. 1969 – Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
10. Кюльоли А. 2000 – Что является научной проблемой в лингвистике. Разбор нескольких случаев // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2000. №3.
11. Мальцева Д.Г. 2000 – Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache. Лингвострановедческий словарь. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000.
12. МАС 1981-1984 – Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981-1984.
13. Микулина Л.Т. 1977 – Национальное своеобразие русской «коннотативной» лексики // Из опыта создания лингвострановедческих пособий по русскому языку. М., 1977.
14. Найда Е.А. 1962 – Анализ значения и составление словарей // Новое в лингвистике. Вып. II. М., 1962.
15. Ольшанский И.Г. 2000 – Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в. Сборник обзоров. М., 2000.
16. РАГС 1991 – Русско-английский словарь. Под общ. рук. А.И. Смирницкого. – 16-е изд., испр., под ред. О.С. Ахмановой. М., 1991.
17. РНМС 1989 – Русско-немецкий словарь (основной). 10-е изд., испр. и доп., под ред. К. Лейна. М., 1989.
18. РНС-2 1994 – Valerij Berkov. Russisk-norsk ordbok. 2.utgave. Oslo, 1994.
19. Рождественский Ю.В. 2000 – Введение в культуроведение. Изд. 2-е, исправ. М., 2000.
20. РШС-92 1992 – Русско-шведский словарь/ под ред. К. Давидссон. Stockholm, 1992.
21. Слесарева И.П. 1990 – Проблемы описания и преподавания русской лексики. Изд. 2, испр. М., 1990.
22. СНС 1995 – Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов). Под ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1995.
23. Толстой Н.И. 1997 – Избранные труды, том I. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.
24. Франция. 1997 – Лингвострановедческий словарь. Под ред. Л.Г. Ведениной. М., 1997.
25. ЯИ 2001 – Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия/ ИЛИ РАН; Под ред. Г.Н. Складневской. М., 2001.
26. Collins 1995 – Collins Russian-English English-Russian dictionary/ Albina Ozieva, Olga Stott, Marina Hepburn. Harper Collins Publishers. 1995.
27. NEO 1999 – Nationalencyklopedins ordbok. CD-ROM. 1999.
28. Zgusta L. 1971 – Manual of lexicography. Mouton. The Hague. Paris. 1971.